

П. Г. Гусев

Понятие куматоида в эпистемологической концепции М. А. Розова
и «альтернативная теория куматоидов» Ю. С. Хохлачева

- I. Что такое куматоиды.
 1. Теория и категориальные представления, выполняющие методологическую роль.
 2. Особенности методологического мышления.
 3. Методологическая роль представления о куматоидах в концепции М. А. Розова.
- II. Теория социальных эстафет и эпистемология.
 1. Знание как социальный куматоид.
 2. Эстафетная модель знания.
 3. Понятие смысла и описание систем с рефлексией.
- III. Парадокс корабля Тесея (проблема идентичности).

* * *

Представление о куматоидах является одним из важнейших моментов эпистемологической концепции М. А. Розова. Его интересовало познание как социально-исторический процесс, включенный в развитие человеческой культуры, и возможность построить эпистемологию как эмпирическую науку на базе анализа научных текстов. Эта задача ведет к ряду *методологических* вопросов, относящихся к *онтологическим представлениям* самой эпистемологии и требующих более точного понимания специфики изучаемых ей феноменов. С этой целью было введено понятие куматоида, обозначающее особую категорию *волноподобных* объектов. Плодотворность этих идей подтверждается во многих исследованиях, реализующих проект эмпирической эпистемологии, – объектом исследования в них являются как эпизоды истории науки, так и различные сегменты современной науки¹.

В сети Интернет появилось несколько статей Ю. С. Хохлачева, в которых он противопоставляет этой концепции собственную «альтернативную теорию куматоидов». Он пытается, в частности, показать преимущество своих представлений «на примере разрешения древнего парадокса (парадокса корабля Тесея)»². Все эти попытки, однако, приходится признать неудачными. Ему просто не удалось понять ни целей, с которыми разрабатывалась эта концепция, ни ее основных положений. Это легко увидеть, сравнивая концепцию Розова и предлагаемую им альтернативу. Сделаем это, выделив из широкого круга вопросов, за решение которых берется Хохлачев, только те, которые имеют прямое отношение к данной эпистемологической концепции, а именно:

- 1) роль представления о куматоидах в концепции М. А. Розова;
- 2) знание как социальный куматоид;
- 3) парадокс корабля Тесея, связанный с проблемой идентичности.

I. Что такое куматоиды

1. Теория и категориальные представления, выполняющие методологическую роль.

«Альтернативная теория куматоидов» – так назвал Ю. С. Хохлачев 1-й раздел одной из своих статей³.

Уже из первых фраз этого раздела становится ясно, что он не понял, для чего понадобилась М. А. Розову идея куматоида и каковы были его цели. В своей альтернативной теории он

¹ Подробнее см.: Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. Отв. ред. Герасимова И.А. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 101–124. (https://rozova.org/images/documents/zagidullin_kuznetsova.pdf).

² Хохлачев Ю. С. Парадокс корабля Тесея. – https://rozova.org/images/documents/Paradox_korablya_Teseya.pdf.
(См. также: http://lit.lib.ru/h/hohlachew_j_s/text_0120.shtml.)

³ Хохлачев Ю. С. Куматоиды. Новая эволюционная парадигма. – http://lit.lib.ru/h/hohlachew_j_s/text_0080.shtml.

предполагает развить идею о том, что, согласно К. Лоренцу, «сама жизнь есть познавательный процесс, **когногенез** в самом широком смысле этого слова, а рост знания представляет собой непосредственное продолжение эволюции объектов живого мира...»

Работа Розова определялась совершенно другими целями. Теории создаются для объяснения определенного круга явлений – Розова интересовали прежде всего проблемы эпистемологии и философии науки. Знание и, более широко, различные семиотические образования рассматриваются в этом случае как социокультурные феномены; на объяснение их характеристик и были направлены его теоретические построения. Это существенно отличается от взглядов Лоренца, который считал возможным рассматривать исходные категории мышления как биологические феномены.

Концепция Розова имеет еще одну особенность: он относится к числу тех философов, которые считают необходимым развивать эпистемологию как эмпирическую науку⁴. Понятие *куматоида* было введено им не ради построения особой теории куматоидов, оно появилось в результате осмысления *методологических проблем*, возникающих в ходе решения поставленных задач. Возникает вопрос о принципиальной возможности эмпирических исследований в этой области: можно ли подойти к знанию как к объекту исследования так, как это обычно делается в науке, а именно – сочетая теоретическое исследование с эмпирическим? Теоретические модели должны соотноситься с эмпирическими фактами, исследователь поэтому должен иметь дело с каким-то материалом. Очевидно, однако, что понять свойства знания невозможно, изучая следы краски на бумаге, на которой это знание изложено. Познание как исторический процесс, как часть истории культуры нельзя понять также на основе изучения нервной системы человека. Не должен ли исследователь знания вообще отказаться от эмпирии в научном смысле этого слова и считать знание чисто духовным образованием? Одной из главных проблем на этом пути становится необходимость «найти способ объективного описания познавательных процедур без отсылки на скрытый мир ментальных состояний»⁵.

Поиску путей выхода и объяснению появляющихся в ходе поиска догадок помогает в таких случаях внимание к *общим категориальным схемам*, с точки зрения которых можно смотреть на изучаемые объекты. Какого рода причинно-следственные связи могут приводить к видимой независимости свойств объекта от его материала; чем может быть обеспечена связь между материалом знака и обозначаемой им вещью, если они не могут физически между собой взаимодействовать?

2. Особенности методологического мышления.

На важность категориального осмысления изучаемых феноменов обращали внимание многие философы и ученые. Оно не состоит в построении особой теории, категориальные схемы действуют как своего рода метафоры. В статье «Механизмы развития знания»⁶ Розов говорит о своем понимании методологического мышления: это перенос принципиальных категориальных схем из одной области знания в другую.

В. Я. Пропп, например, создавая работу «Морфология сказки», не строит некую «теорию морфологии», но ищет возможность перенести в свою область общие черты образцов биологического исследования.

Розов комментирует рассуждение Проппа:

«Слово *морфология*, – пишет он, – означает учение о формах. В ботанике под морфологией понимается учение о составных частях растения, об их отношении друг к другу и к целому, иными словами, учение о строении растения. О возможности понятия и термина *морфология*

⁴ См., например: *Розов М. А.* В поисках Жар-птицы // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 63–82. (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=506&Itemid=55.)

⁵ Там же. С. 65.

⁶ *Розов М. А.* Теория познания как эмпирическая наука // М. А. Розов. Философия науки в новом видении / Н. И. Кузнецова. – М.: Новый хронограф, 2012. См. с. 191–192.

(https://rozova.org/images/documents/Teoria_poznaniya_kak_empiricheskaya_nauka_RozovMA.pdf).

См. также: *Кузнецова Н. И.* Два проекта методологии: Г. П. Щедровицкий и М. А. Розов // (сравнительный анализ концепций Г. П. Щедровицкого и М. А. Розова) // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 32. № 2 (<https://rozova.org/images/documents/KuznecovaDvaProekta.pdf>).

сказки никто не думал. Между тем в области народной, фольклорной сказки рассмотрение форм и установление закономерностей строя возможно с такой же точностью, с какой возможна морфология органических образований”... Здесь опыт другой области знания, очень далекой от фольклористики, определяет саму проблему, которую пытается решить Пропп. И он при этом вовсе не боится, заимствуя опыт биологии, погубить свою гуманитарность. Можно соглашаться или не соглашаться с тем решением, которое предложил Пропп, сам он впоследствии отказался от этого решения, но проблема выявления морфологии осталась, и едва ли можно сомневаться в правомерности ее постановки».

Еще один пример, поясняющий суть такого переноса: биологические идеи Дарвина стимулировали эволюционный подход к изучению других явлений.

«Вот что пишет Эрнст Мах о влиянии на него теории Ч. Дарвина: “Еще гимназистом я в 1854 году познакомился с учением Ламарка в изложении моего уважаемого учителя Ф. Вессели. Таким образом я обладал уже некоторой подготовкой, чтобы уяснить идеи Дарвина, опубликованные в 1859 году. Влияние этих идей обнаружилось уже в моих лекциях 1864–1867 гг. в университете в Граце; в лекциях этих борьба научных идей рассматривается как жизненная борьба с переживанием наиболее приспособленного”⁷. Обратите внимание, – отмечает Розов, – общая схема теории Дарвина переносится Махом в историю науки, где она у ряда исследователей работает до сих пор.

Теория происхождения видов задает принципиальную схему, в которой предполагается, что эволюция происходит в силу взаимодействия двух факторов, случайных мутаций и отбора. Эта схема была перенесена в историю идей, в кибернетику, в языкознание. Известный лингвист XIX в. А. Шлейхер писал: “Законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере, в главных чертах своих, и к организмам языков”⁸».

В концепции Розова роль общей, принципиальной схемы играет представление о таких явлениях, как волны.

3. Методологическая роль представления о куматоидах в концепции М. А. Розова.

Итак, теория, которую Розов строил для объяснения особых свойств семиотических объектов – не теория куматоидов вообще, а *теория социальных эстафет*. Но понять эту теорию и искать возможности ее развития и применения в различных конкретных случаях помогает аналогия с некоторыми уже известными и детально изученными явлениями, в определенной степени сходными с ними, – сходными именно в тех аспектах, которые создают трудности в исследовании.

Как уже было отмечено, характеристики семиотических объектов сложно связать с каким-либо материалом. Фиксируя эту трудность, Розов сформулировал *проблему способа бытия* таких объектов. Он напоминает о Чеширском коте из известной сказки Л. Кэрролла, который исчезал, оставляя свою улыбку, и пишет:

«Мы привыкли, что это возможно в абстракции, но никак не в рамках эмпирической реальности. <...> А между тем, любое слово языка демонстрирует нам аналогичный парадокс. <...> Слово – это удивительный объект, оно обладает определенными характеристиками, но не представлено никакой соответствующей субстанцией. Строго говоря, его характеристики не являются свойствами в традиционном понимании, ибо свойства мы привыкли всегда связывать с определенной вещью. Но разве перед нами не аналог улыбки Чеширского Кота? Вполне понятно, что, столкнувшись с таким удивительным явлением, мы задаем естественный вопрос: а где и как существует слово? Это и есть проблема способа бытия. И очевидно, что названная

⁷ См.: Новые идеи в философии. Борьба за физическое мировоззрение. СПб., 1912. С. 126.

⁸ Цит. по: Звезгинцев В. А. История языкознания XIX–XX в. в очерках и извлечениях. Т. I. М., 1964. С. 116.

проблема возникает не только применительно к слову, но и применительно ко всем семиотическим объектам»⁹.

Объясняя свое решение этой проблемы, он выделяет особую категорию таких явлений, некоторые характеристики которых относительно независимы от их материала. Здесь и появляется корабль Тесея (Тезея) – это один из примеров, который, с одной стороны, поясняет особенности таких феноменов, а с другой, помогает понять, что это категория большой общности, и вводит в суть проблемы способа бытия:

«Начнем со старой-старой проблемы, которая волновала еще древних греков. Представьте себе легендарный корабль Тезея, который дряхлеет и который все время приходится подновлять, меняя постепенно одну доску за другой. Наконец, наступает такой момент, когда не осталось уже ни одной старой доски. Спрашивается, перед нами тот же самый корабль или другой?»¹⁰

До сих пор, однако, теоретические представления о такого рода объектах были хорошо развиты в основном только в сфере естественных наук, и не существовало специального термина, обозначающего эту категорию. Одним из наиболее наглядных примеров здесь являются волны, распространяющиеся в некоторой физической среде, которыми интересовался еще Леонардо да Винчи¹¹. Это и подтолкнуло Розова к тому, чтобы назвать эти объекты «куматоидами», т. е. волноподобными (от греч. *κύμα* – волна).

Волны на воде – это хорошо известный куматоид физической природы. Но как естественный куматоид можно рассматривать и живой организм. Корабль Тесея – это пример искусственного куматоида. Еще один пример – университет:

«Московский университет, например, меняет своих студентов и преподавателей, может переехать в новое помещение, но он остается Московским университетом, пока сохраняются его функции, пока и студенты, и преподаватели, и обсуживающий персонал выполняют предписанные им обязанности, пока живут традиции Московского университета. Можно сказать, что университет – это не здания и не люди, а множество программ, в рамках которых все это функционирует»¹².

Эти примеры – еще не теория, и корабль Тесея – только один из них. Хохлачев, как ни странно, не видит, что этот случай не имеет какого-то особого, исключительного значения и не становится объектом самостоятельного исследования в работах Розова. В книге «Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии», где его подход к этим проблемам нашел наиболее полное выражение, этот пример вообще не используется. Все это только подводит к вопросу, для ответа на который понадобится теория, – к вопросу о *механизме*, обеспечивающем воспроизведение ряда характеристик при смене материала, о некотором «*устройстве памяти*», в котором зафиксированы соответствующие инварианты. Очевидно при этом, что «память» биологических куматоидов устроена принципиально иначе, чем социальная память, поэтому разным типам куматоидов должны соответствовать разные теории, которые сходны между собой на категориальном уровне.

Знание – это *социальный куматоид*. Применительно к семиотическим объектам Розов формулирует этот категориальный подход так:

«Образ одиночной волны на поверхности водоема, которая постоянно обновляет себя по материалу, включая в колебательное движение все новые и новые частицы воды, лежит в основе моих представлений о субстанциальности семиотических объектов. В этом плане всю мою концепцию... можно назвать волновой семиотикой. Основная идея в том, что знак, знание,

⁹ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 11–12. (<https://rozova.org/images/documents/glava01.pdf>)

¹⁰ Розов М. А. Наука как традиция // Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 1996. – См. с. 85 (<https://fil.wikireading.ru/44283>).

¹¹ Там же. С. 86.

¹² Там же. С. 89.

литературное произведение – это своеобразные социальные «волны», которые я называю социальными куматоидами»¹³.

Задача в этом случае состоит в том, чтобы понять, как на самом исходном, базовом уровне устроена *социальная память*:

«Люди, включенные в определенный социокультурный контекст, понимают один и тот же текст примерно одинаково. Должны, следовательно, существовать какие-то объективные механизмы, обеспечивающие общезначимый, социальный характер понимания, механизмы, согласовывающие, организующие поведение людей в их отношении к отдельным знакам или тексту. Эти механизмы, которые мы в дальнейшем будем рассматривать как механизмы социальной памяти, и должны стать основным объектом изучения, выступая при этом по отношению к исследователю как нечто внешнее и от него не зависящее»¹⁴.

Механизмы социальной памяти, благодаря которым существуют сложные социальные программы поведения, можно понять исходя из того, что

«исходный, базовый механизм существования социальных программ – это воспроизведение тех или иных форм поведения или деятельности по непосредственным образцам. Будем этот механизм называть социальными эстафетами»¹⁵.

Итак, используя понятие куматоида, Розов прежде всего стремится пояснить суть проблемы способа бытия семиотических объектов, показать необходимость выявления механизмов, обеспечивающих относительную инвариантность их характеристик при смене материала.

«...Все семиотические образования – от простого знака до художественных произведений и научных теорий – это социальные куматоиды. Это социальные программы, базовым механизмом которых является воспроизведение непосредственных образцов. Таким образом мы и решаем проблему способа бытия семиотических объектов. Думаю, что в рамках гуманитарных наук этот тезис столь же важен, как утверждение, что свет – это электромагнитные волны, в рамках физики»¹⁶.

Существенную роль здесь играет еще один методологический аспект: это понятие позволяет увидеть единство очень широкой области исследований.

«Вводя понятие социального куматоида, мы открываем новый мир для исследования, мир, с которым мы постоянно сталкиваемся, но не осознаем, с каким классом объектов имеем дело. Мы уже отмечали, что наука – это тоже куматоид, и впервые это показал Кун, не имея при этом соответствующего понятия. Он начал и анализ этого куматоида, выделяя, как он полагал, отдельные виды программ, но явно смешивая содержательное описание этих программ с анализом способа их существования. Очень важно, на мой взгляд, что понятие куматоида позволяет

¹³ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 8–9.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 48. (<https://rozova.org/images/documents/glava02.pdf>.)

Как оказалось, термин «эстафета» (relay) в близком смысле был ранее использован в книге «Слово и объект» У. Куайна: см. главу «Онтогенез референции», §§ 17 и 18, в переводе, который вошел в издание: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986. – <https://www.booksite.ru/fulltext/novzarlingv/text.pdf>. (Есть другой перевод этой работы, где термин *relay* переведен иначе.)

Термин «эстафета» встречается в этой книге на с. 56–57.

¹⁶ Розов М. А. Проблема способа бытия семиотических объектов // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII, № 2. С. 63. – <https://docplayer.ru/32745653-M-a-rozov-epistemologiya-filosofiya-nauki-t-viii-2-problema-sposoba-bytiya-semioticheskikh-obektov.html>.

с единых позиций подойти к анализу, казалось бы, разных объектов, таких как наука, знак, знание, литературное произведение, теория...»¹⁷.

Для реализации изложенного подхода недостаточно просто принять идею социальных эстафет. Из целого ряда задач, возникающих на этом пути, отметим здесь только необходимость выяснить основные типы связей между социальными эстафетами, типы их взаимодействий. Эти задачи решаются в ходе построения *теории социальных эстафет*. Модели различных *эстафетных структур* могут служить затем средствами исследования в эпистемологии.

Рассуждения Хохлачева о недостатках теории Розова в значительной степени связаны с тем, что он пытается приспособить понятие куматоида к задачам, которые очень далеки от эпистемологии и философии науки. В результате он просто не понял, что имел в виду Розов, вводя этот термин.

Существенным недостатком концепции Розова Хохлачев считает также то, что в ней не раскрыты понятия информации и ее смысла. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно обратиться к более детальной характеристике знания как социального куматоида в теории социальных эстафет.

II. Теория социальных эстафет и эпистемология.

1. Знание как социальный куматоид.

Переходя к анализу знания, Розов уточняет границы области своего исследования. Речь идет о знании, представленном в виде текста, устного или письменного; этот текст может быть понят достаточно широким кругом людей, на понимание которых он рассчитан, и может быть оценен с точки зрения его обоснованности, истинности или ложности.

Знание и семиотические объекты вообще – это социальные куматоиды. Аналогия с волновыми процессами позволяет понять их «странную» неуловимость: сохранность текстов вовсе не означает сохранности знания или литературного произведения, ведь могут меняться социальные программы их понимания и интерпретации. Как пишет Розов,

«с этим постоянно сталкиваются историки. Сохранять текст иногда – это примерно то же самое, что хранить следы волн на песке давно высохшего водоема»¹⁸.

Анализ знания должен состоять, таким образом, в выявлении соответствующих социальных программ, их взаимосвязей и способов существования. Поскольку базовым механизмом существования социальных программ являются социальные эстафеты, они и образуют в конечном счете структуру знания.

Кроме того, нужно учитывать, что знание в виде текста может существовать только на базе языка. Розов вводит понятие *опосредованной эстафеты*:

«на базе развития языка и речи появляется возможность воспроизводить поведение не прямо по образцу, а по его описанию. Такие эстафеты мы будем называть опосредованными или вербализованными»¹⁹.

Но учет роли языка не означает, что в модель знания вводится что-то еще, кроме эстафет. Язык сам существует на базе социальных эстафет. Розов подчеркивает:

«1. Очевидно, что вербализованные эстафеты предполагают существование языка и речи, которые сами воспроизводятся по непосредственным образцам; 2. Строго говоря, любое словесное описание недостаточно для воспроизведения поведения или деятельности, если у нас при этом нет никаких образцов хотя бы для элементарных операций. Последнее замечание означает, что между вербализованными и непосредственными эстафетами нет четкой границы»²⁰.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 204. – <https://rozova.org/images/documents/glava08.pdf>.

¹⁹ Там же. С. 49. – <https://rozova.org/images/documents/glava02.pdf>.

²⁰ Там же.

(Как мы увидим дальше, все эти замечания Розова о роли непосредственных эстафет Хохлачев оставил без внимания.)

Отметим также, что принятие этого подхода к анализу знания означает абстракцию от ментальных состояний.

2. Эстафетная модель знания.

Основываясь на изложенных представлениях о социальных куматоидах, Розов показывает, что знание нужно рассматривать как этап исторического развития социальной памяти:

«На первом этапе воспроизводство социума осуществляется на базе механизма непосредственных социальных эстафет, второй этап – это формирование языка и речи и переход от непосредственных эстафет к опосредованным. Здесь и возникает знание в форме описания содержания образцов»²¹.

Это простейший вид знания, но он присутствует и в науке на всех этапах ее развития, например, как описание экспериментальной деятельности, подобное следующему:

«В трубке из тугоплавкого стекла нагревают на пламени в токе хлора небольшой кусок металлического натрия. Спустя некоторое время натрий соединяется с хлором, образуя хлорид натрия NaCl, при этом появляется ослепительный желтый свет»²².

Как было отмечено, переход к этому этапу не исключает наличия непосредственных эстафет:

«Во-первых, мы теперь работаем в эстафетах языка и речи, во-вторых, предполагается, что мы способны осуществлять некоторый набор элементарных операций, которые уже не описываются. <...> А это уже означает, что «тело» знания образовано эстафетами далеко не только языка, что в его создании принимает участие гораздо больший массив социального опыта. Язык не фиксирует этот опыт, он способен только его активизировать. Иными словами, хотя знание и не существует без языка и речи, в целом оно представляет собой некоторое экстралингвистическое образование»²³.

Для проведения эксперимента с натрием и хлором, например, необходим опыт работы в химической лаборатории, который нельзя заменить чтением соответствующей литературы. Как правильно нагревать на пламени в токе хлора, что значит «небольшой кусок»? Все это – невербализованный опыт, он передается на уровне образцов лабораторной практики.

Описания действий человека могут играть разную роль, поэтому могут существовать разного рода образцы таких описаний. Более детальный анализ показывает, что знание, в котором на основе языка фиксируется некоторый опыт деятельности, можно рассматривать в свете эстафетных структур коммуникации, которые накладывают отпечаток на то, как строится знание и как оно используется. В коммуникации, с одной стороны, формируется умение задавать вопросы, указывающие на поиск способа решения некоторой задачи, а с другой стороны – описывать эти способы в форме инструкции для ее решения. Учитывая это, можно разделить эстафеты, в рамках которых существует знание, на две группы.

Эстафеты одной группы определяют содержание вопроса или, иначе говоря, предмет знания (о чем оно). Это эстафеты *референции*. Действия, описанные в приведенном примере, можно рассматривать как деятельность по получению хлорида натрия. Но вопрос о его получении может появиться только у того, кто уже умеет выделять это вещество из множества других веществ, т. е. владеет способами его распознавания, включен в соответствующие эстафеты. Эти эстафеты в данном случае и определяют референцию знания о хлориде натрия.

²¹ Там же. С. 216. – <https://rozova.org/images/documents/glava08.pdf>.

²² *Неницеску К.* Общая химия. М., 1968. С. 3. Цит. по: *Розов М. А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 216.

²³ *Розов М. А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 216–217.

Эстафеты второй группы определяют собственно содержание знания – те действия, которые обеспечивают решение задачи. В приведенном примере это эстафеты, в которых передается необходимый в этом случае опыт работы с натрием, хлором, стеклянными трубками и пламенем. Розов называет их эстафетами *репрезентации*²⁴.

3. Понятие смысла и описание систем с рефлексией.

В работах Розова можно найти намного более детальный анализ эстафетных структур, с которыми связано существование различных знаний, но для наших целей достаточно того, что уже здесь представлено. Вернемся теперь к возражениям Хохлачева.

Приведя ряд важных высказываний Розова о целях и задачах его исследований и о предлагаемых им решениях, он как будто забывает обо всем этом и пишет:

«Розов в своих работах акцентировал внимание на процессах передачи (посредством социальных эстафет) информации, содержащей смысл. Однако при этом остались незатронутыми проблемы формирования условий, при которых та или иная информация приобретает смысл»²⁵.

Теория социальных эстафет создавалась с целью выстроить систему представлений, на базе которых может развиваться эмпирическая эпистемология. Знание и научная деятельность рассматриваются в концепции Розова на основе представлений о механизмах социальной памяти и их историческом развитии. С этой точки зрения «информация» в ее простейшем виде существует в человеческом обществе как опыт практической, а затем и речевой деятельности в форме социальных эстафет. Разговор о смысле знаков или текста тоже нужно интерпретировать, исходя из этих представлений.

Хохлачев пытается ввести понятие смысла как одну их характеристик социального куматоида. Это показывает, что он не понял двух важных различий, введенных в этой концепции. Первое из них состоит в том, что нужно различать *механизмы* социальной памяти, с одной стороны, и *содержание*, которое сохраняется в социальной памяти – т. е. в культуре общества – с помощью этих механизмов, с другой.

Очевидно, например, что в далеком прошлом, на этапе предистории человечества механизм передачи опыта и накопления его в культуре сводился к непосредственным эстафетам, т. е. к воспроизведению непосредственных образцов деятельности. Интерпретируя свои наблюдения за действиями высших обезьян, этологи приходят к выводу, что в зачаточной форме подобный механизм действует в некоторых их сообществах. Как рассказывает, например, известный этолог Франс де Вааль, диким шимпанзе не только применяют и создают орудия, но и учатся друг у друга, что позволяет им улучшать свои орудия из поколения в поколение. Изучение культуры приматов, по его мнению, помогает лучше понять, как формируется культура, то есть знания, привычки и навыки²⁶.

Однако установить существование такого механизма далеко еще недостаточно для того, чтобы описать культуру или образ жизни некоторого сообщества и то, каким образом формировалась и развивалась эта культура в течение определенного периода. Ф. де Вааль сообщает, что шимпанзе в Габоне используют целый набор инструментов для такого опасного предприятия, как разорение пчелиных гнезд. В него входят: толстая палка, которой взламывают вход в улей; палка, которой протыкают улей, чтобы добраться до отделения с медом; расширитель для увеличения прохода боковыми движениями; палка с расщепленным концом, которой достают мед; и кусочек коры, чтобы счищать мед. «Применение этих орудий очень сложно, потому что их нужно подготовить и принести на место до начала работы и держать под рукой, пока рассерженные пчелы не вынудят шимпанзе уйти»²⁷.

²⁴ Там же. С. 222–230.

²⁵ Хохлачев Ю. С. Куматоиды. Новая эволюционная парадигма. – http://lit.lib.ru/h/hohlachew_j_s/text_0080.shtml.

²⁶ См. интервью с Ф. де Ваалем (<http://ethology.ru/interview/?id=180>), а также его книгу «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?» (М.: Альпина нон-фикшн, 2017).

²⁷ См. раздел «Переопределяя человека» в данной книге.

В этом описании деятельности по добыче меда, включающем характеристику средств деятельности и приемов их использования, ничего не говорится о том, каким образом усваивается и сохраняется в данном сообществе этот способ деятельности. Из таких описаний можно узнать о различных конкретных способах деятельности, может быть, даже научиться их использовать, однако, как сохраняется этот опыт, остается неизвестным, – иначе говоря, это рассказ не о механизме социальной памяти, а только о содержании, которое в ней хранится. Появление языка в человеческом обществе означает усложнение механизмов социальной памяти: к *непосредственным* эстафетам добавляются *опосредованные*. А так как сам язык тоже существует на основе некоторых непосредственных эстафет, это означает, как уже отмечалось, что возникают все более сложные эстафетные структуры. Составляющие их эстафеты определенным образом связаны между собой, а действия, которые в них воспроизводятся, выполняют разные функции в ходе реализации соответствующей сложной социальной программы.

Возникает, следовательно, особая исследовательская задача по изучению таких связей и образующихся на их основе различных эстафетных структур. Именно таким образом должен проводиться, в частности, анализ знания. Выше мы уже показали, как может реализоваться этот подход при выявлении эстафетной структуры простейшего знания. В эстафетах референции воспроизводятся действия, без которых нельзя было бы выделить предмет знания, например, хлорид натрия; с эстафетами репрезентации связана другая функция – в них в данном случае сохраняется опыт получения хлорида натрия. Представление о связанных таким образом двух группах эстафет – это описание механизма социальной памяти, в рамках которого могут существовать разные знания.

Выделив этот аспект социальной памяти (и соответственно, эту сторону знания), можно обратить внимание на процесс формирования таких структур. В свете изложенной эстафетной модели понимание и использование знания можно представить следующим образом. Если человек уже имеет необходимый опыт (т. е. он уже включен в соответствующие социальные эстафеты), читая текст, он может выделить в нем то, что можно интерпретировать как задачу или вопрос, а к другой части текста – отнести как к ответу на вопрос или как к инструкции для решения этой задачи. На важную роль таких операций как в педагогической, так и в исследовательской деятельности обратил внимание Дж. Р. Коллингвуд. Он писал:

«Свод знания состоит не из “предложений”, “высказываний”, “суждений” или других актов утвердительного мышления... и того, что ими утверждается... Знание состоит из всего этого, вместе взятого, и вопросов, на которые оно дает ответы...»²⁸

Розов приходит к выводу, что

«знание даже в его развитом современном виде — это как бы «застывший» акт коммуникации в форме “вопрос-ответ”»²⁹.

Можно предположить, таким образом, что эстафетная структура знания – это усложнение той структуры коммуникации, которая могла существовать раньше, еще до того, как появились простейшие формулировки знания в виде описания способов решения некоторых практических задач. В качестве примера такой коммуникации Розов приводит обычай вавилонян, о котором рассказывает Геродот: больного выносили на рынок, а прохожие должны были узнавать, что с ним, и рассказывать ему, «как сами они исцелились от подобного недуга или видели исцеление других»³⁰.

Понимание различия между механизмами и содержанием социальной памяти подводит к второму важному различению, мимо которого прошел Хохлачев: нельзя смешивать описание социальных куматоидов, которое должен дать их исследователь, и высказывания или письменные тексты, которые возникают в рамках этих куматоидов и должны рассматриваться как элементы области исследования.

²⁸ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980. С. 33.

²⁹ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 223–224.

³⁰ Там же. С. 223.

Этолог описывает действия животных, но сами животные не способны описывать свои действия. Совсем в другом положении находятся этнограф, эпистемолог или историк науки. Опыт ловли рыбы, например с помощью сетки, может сохраняться в некотором обществе на основе непосредственных образцов деятельности – когда дети, допустим, видят, как это делают старшие, включаются в их действия и в результате тоже становятся участниками этой эстафеты. Но если опыт деятельности выражен в виде инструкций, это означает, что механизм социальной памяти стал более сложным: к непосредственным эстафетам добавились опосредованные.

Кроме того, здесь возникает методологический вопрос: что дает исследователю знакомство с этими инструкциями и входит ли в его задачу их уточнение и обобщение или добавление новых инструкций? Ученые, например, сами описывают свои эксперименты, излагают свои теоретические рассуждения и формулируют используемые ими методы. Какое место эти описания могут занять в работах эпистемолога или историка науки? Понятно во всяком случае, что, собирая и излагая эти инструкции или систематизируя такие описания, исследователь не получит никакого знания об устройстве социальной памяти, – в них ничего не говорится об эстафетных структурах, обеспечивающих сохранение культуры некоторого сообщества.

Еще один шаг в усложнении социальной памяти – появление разъяснений относительно самих этих инструкций. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, например, можно прочитать, что сетка – это «небольшая сеть (из ниток, веревок, проволоки и т. п.) различного назначения». В ходе дальнейшего развития и систематизации такого рода представлений возникают общие характеристики знаков, в том числе такого типа, как семиотический треугольник, которые, если интерпретировать их как описание структуры знака, приводят к «морфологическому парадоксу»: связи между элементами этой структуры оказываются мнимыми. Хохлачев приводит некоторые разъяснения сути этого парадокса, например, то, что пишет Розов о теории собственных имен Готтлоба Фреге:

«Собственное имя типа “Вальтер Скотт” можно, согласно этой концепции, представить в виде треугольника, вершины которого – это имя как таковое, денотат, т.е. обозначаемый предмет, и смысл. Под смыслом при этом Фреге понимает “конкретный способ задания обозначаемого”, т.е., вероятно, знание каких-то его признаков. Например, выражения “утренняя звезда” и “вечерняя звезда” обозначают один и тот же объект, планету Венера, но имеют разный смысл, ибо выделяют этот объект по разным признакам.

<...> Интуитивно все мы, так или иначе, полагаем, что имя вовсе не связано с денотатом, что связывает их человек в своей речевой практике, что смысл – это наше понимание знака, а семантический треугольник фиксирует некоторые мнимые связи. Однако на схеме все это отсутствует, нет там ни человека, ни его деятельности, ни его “понимания”. <...> Треугольник Фреге фиксирует не строение, не структуру, а некоторое общее правило использования имени. Правило это гласит: именем следует обозначать некоторый предмет, выделенный нами по такому-то признакам»³¹.

Но каким-то образом Хохлачев пропустил подробное разъяснение этой ситуации, которое дается в той же работе на основе представления о социальных куматоидах и эстафетах. Возможно, дело в том, что он плохо разобрался в самых основах концепции куматоидов и социальных эстафет. Это видно, например, из такой его фразы:

«Социальный куматоид представляет собой систему, состоящую из членов сообщества, выполняющего определённую общественную функцию, и объектов техносферы, находящихся в пользовании данного сообщества»³², –

которая явно не согласуется с приводимыми им формулировками из работ Розова. В таком описании исчезает самая суть куматоида, его волноподобный характер. Социальные куматоиды – это

³¹ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 23–25. – <https://rozova.org/images/documents/glava01.pdf>.

³² Хохлачев Ю. С. Парадокс корабля Тесея.

сложные социальные программы, которые в рамках теории социальных эстафет нужно рассматривать как эстафетные структуры. Эстафеты, из которых состоят эти структуры, остаются относительно неизменными, хотя состав членов сообщества, действия которых определяются этими программами, а также предметы и средства их деятельности периодически обновляются. В соответствии с этим строение знака надо искать не в мире отношений между вещами – типа имени и денотата, – а в мире социальных эстафет. Материальные характеристики имени и денотата не являются причиной образования связи между ними – связь эта обусловлена тем, что данные предметы попали в сферу действия определенной социальной «волны»³³. Благодаря появлению языка механизмы социальной памяти усложняются: непосредственные эстафеты дополняются опосредованными; иначе говоря, язык используется для описания деятельности, т. е. становится средством *рефлексии*.

Выясняя место понятия смысла в концепции Розова, нужно учитывать, что речевая деятельность и язык тоже становятся предметом рефлексии:

«Можно сказать, что речевое общение людей, наука, производство, литература и т. п. – все это системы с рефлексией. Все социальные образования, в рамках которых люди реализуют определенное поведение, фиксируя при этом в языке цели и нормы этого поведения, – все это системы с рефлексией»³⁴.

Как мы уже отмечали, перед исследователем таких систем встает методологический вопрос: что должен делать исследователь, если в системе уже существуют описания действий ее участников? Здесь нужно обратить внимание на то, что эти рефлексивные описания имеют особый характер: они становятся или в принципе могут стать элементами той системы, поведение которой они описывают, поскольку они встраиваются в механизм его воспроизведения. Если же исследователя интересует социокультурная система в целом, то, как показывает Розов, ему нужно выбрать иную позицию. Задачей исследования в этом случае должно стать изучение социальных механизмов поведения, механизмов воспроизводства поведенческих актов:

«...Рефлексию интересуется поведение системы, а нас – система в целом, включая и саму рефлексию. В этом случае иногда говорят о двух исследовательских позициях: «внутренней» и «внешней». Исследователь рефлектирующей системы пытается как бы вывести себя за пределы этой системы и посмотреть на нее со стороны. Назовем такую позицию надрефлексивной. <...>

...Рефлексия всегда утилитарна: она отталкивается от задачи, которую надо решить, она пытается построить акт деятельности, который приводил бы в данных условиях к решению этой задачи. Характер процедур, которые она при этом фиксирует, определяется именно задачей и обстоятельствами. Ее при этом совершенно не интересуют объективные механизмы нашего поведения: почему, например, одни и те же задачи человек решал различным образом в разные исторические эпохи, почему мы действуем или ведем себя так, а не иначе, и действительно ли это обусловлено ситуацией, а не традицией? Ее это не интересуется, ибо, вообще говоря, не помогает решению ее задач. В отличие от этого позиция надрефлексивная – это, прежде всего, позиция ученого, который, фиксируя феноменологию поведения, пытается ее объяснить на базе выявления каких-то социальных механизмов»³⁵.

Объектом изучения, таким образом, должна стать сама *рефлектирующая система* как целое, закономерности ее жизни и функционирования.

Из этого следует, что понятие смысла знаков, слов или текста возникает в процессе формирования опосредованных эстафет, включенных в механизм передачи опыта языковой деятельности, и используется для описания содержания этого опыта. Однако использование языка невозможно свести к использованию правил, которые формулируют лингвисты. Носители языка обычно говорят правильно или замечают ошибки, не обращаясь к правилам.

³³ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 117.

³⁴ Там же. С. 140.

³⁵ Там же. С. 147–149.

Один венгерский переводчик, провожая высокопоставленного русского гостя, напутствовал его: «Скатертью дорога», – из самых лучших побуждений. Видимо, он представлял себе дорогу, гладкую и чистую, как скатерть, и не понимал подлинного смысла этого выражения. А как живет, в какой форме существует этот «подлинный смысл»?

«Очевидно, что речь должна идти о социальных эстафетах современного словоупотребления. Пользуясь родным языком, мы действуем не по каким-либо четко сформулированным правилам, а в соответствии с образцами живой речевой деятельности, которые у нас постоянно перед глазами»³⁶.

Однако образцы не задают никакого четкого множества возможных реализаций и не имеют какого-то достаточно точно определенного содержания. Поэтому для реакции на одну и ту же, казалось бы, ситуацию или для решения, по видимости, одной и той же задачи в разных контекстах могут использоваться разные образцы деятельности. А лингвистам приходится периодически возвращаться к содержащемуся в словарях описанию смысла слов, уточняя описание контекста и соответствующих оттенков смысла. (Вопрос о различении смысла и значения знаков мы здесь не рассматриваем.)

Таким образом, претензии Хохлачева в этом вопросе в значительной степени связаны с тем, что он не понял необходимости различать при описании деятельности внешнюю, т. е. надрефлексивную, позицию и позицию внутреннюю, рефлексивную. Он пишет, например, что Розов показал несостоятельность интерпретации понятия «смысл» в лингвистике и упрекает Розова в том, что он не предложил своего определения этого понятия. С этой точки зрения получается, что концепция социальных эстафет и лингвистика находятся в одной исследовательской позиции. Однако, это не так. Критика представления о семиотическом треугольнике не означает, что лингвисты ошибаются и должны действовать как-то иначе, составляя, скажем толковые словари. Ошибка возникает на категориальном уровне, если считать, что схема треугольника изображает строение знака; для ее устранения необходимо различить надрефлексивную исследовательскую позицию и позицию рефлексии. Задача первой позиции – описание эстафетных структур, определяющих деятельность, в которую включены семиотические объекты; задача второй – описание содержания деятельности в виде, например, правил словоупотребления и построения предложений, которые могут быть использованы теми, кто хочет научиться говорить на этом языке.

Надо сказать, что некоторые связанные с этим вопросом высказывания Хохлачева вообще трудно объяснить. Он пишет, например, в статье «Альтернативная теория куматоидов», что «непреодолимым затруднением», помешавшим определить понятие смысла «стал выбор Розовым литературных произведений в качестве анализируемых семиотических объектов», в то время как основным материалом анализа в его работах по эпистемологической тематике являются разные виды знания и научной деятельности.

Отметим, кроме того, что мы ограничиваемся разбором попыток Хохлачева перестроить концепцию Розова и не касаемся его рассуждений, относящихся к биосемиотике, которые выходят далеко за рамки исследования социальных куматоидов. Вопросы о необходимости использовать понятия информации и ее смысла в описании механизма биологической наследственности не имеют отношения к анализу семиотических феноменов социокультурной природы.

III. Парадокс корабля Тесея (проблема идентичности).

О корабле Тесея рассказал Плутарх:

«Тридцативесельное судно, на котором Тесей с подростками вышел в плавание и благополучно вернулся, афиняне хранили вплоть до времен Деметрия Фалерского³⁷, убирая старые доски и балки по мере того, как они ветшали, и ставя на их место другие, крепкие, так что корабль этот сделался даже спорным примером в рассуждениях философов, определяющих понятие возрас-

³⁶ Там же. С. 172.

³⁷ Т. е. до 318–307 гг., в течение почти 1000 лет.

тания: одни утверждали, что он остается самим собою, другие – что он превратился в новый предмет»³⁸.

Эти споры тоже связаны с ролью контекста, влияющего на воспроизведение тех или иных образцов деятельности, так как сами образцы не задают никакого четкого множества их возможных реализаций. Проблема идентичности возникает в результате конфликта между разными программами или способами оценки, применимость которых зависит от характера ситуации, в которой они реализуются. Это видно уже из сообщения Плутарха, в котором сказано, что «спорным» этот пример стал в «рассуждениях философов». Некоторые изменения какой-либо вещи могут считаться несущественными в практике ее использования; более того, они могут производиться целенаправленно для сохранения этой вещи. Афиняне, как пишет Плутарх, заменяли отдельные детали именно для сохранения или восстановления корабля. Но с появлением философии этот пример начали рассматривать в контексте мировоззренческих вопросов, соотнося его с иными сложившимися в практике образцами деятельности и пытаясь выработать такие общие принципы, которые можно было бы без противоречия использовать в различных ситуациях.

Особенности такой философской ориентации хорошо видны в дошедших до нашего времени пересказах бесед Сократа. Одна из таких бесед – разговор Сократа с Евфидемом – описана в «Воспоминаниях» Ксенофонта³⁹. Как и в других беседах, в ней обсуждается одна из важных мировоззренческих идей, идея справедливости и предполагается, что должно существовать ее однозначное определение, которое может стать для человека руководством во всех его делах – как быть справедливым. Отвечая на вопрос Сократа, Евфидем называет ложь несправедливым делом. Тогда Сократ спрашивает, справедливо ли обманывать неприятеля. Евфидем признает, что это справедливо, и уточняет понимание справедливости: несправедливо обманывать не врагов, а друзей. А справедливо ли обманом дать лекарство больному ребенку? Евфидем вынужден признать это справедливым.

Розов видит в этой беседе достаточно простой и ясный пример системы с рефлексией:

«Действительно, Сократ фактически требует от Евфидема рефлексивного осознания того, что тот понимает под несправедливостью, требует осознания или вербализации образцов словоупотребления. Евфидем формулирует несколько «правил», утверждая, что несправедливыми следует считать ложь, грабеж, продажу в рабство. Важно подчеркнуть, что любая попытка уточнения или определения такого рода понятий, которые до этого использовались только в рамках непосредственных эстафет словоупотребления, представляет собой типичный акт рефлексии».

Почему же Евфидем тут же отказывается от результатов своей рефлексии?

«...Он сразу сдается перед лицом некоторой невидимой для нас силы. Впрочем, сила эта, как мы понимаем, просто представлена набором образцов словоупотребления, которые находятся в поле зрения Евфидема. Сократ просто о них напоминает»⁴⁰.

Влияние разного рода образцов установления идентичности вещи или ее изменения и стремление сформулировать некий общий принцип легко увидеть в том, как парадокс корабля Тесея рассматривается в различных философских текстах. Посмотрим, например, как рассказывает об этой проблеме профессор философского факультета Вашингтонского университета **S. Marc Cohen**⁴¹. Его материал озаглавлен «Identity, Persistence, and the Ship of Theseus»⁴² («Идентичность, неизменность и корабль Тесея»). (В философских текстах *identity* часто также переводят как *тождество* – например в переводе статьи «Identity» из Стэнфордской философской энциклопедии.⁴³) Приводимые им

³⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1439000100>.

³⁹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М., 1993. С. 119–121.

⁴⁰ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 142–143.

⁴¹ Он является известным специалистом по философии Аристотеля.
(См.: <http://faculty.washington.edu/smcohen/CurrentResearch.html>.)

⁴² См.: <https://faculty.washington.edu/smcohen/320/theseus.html>.

⁴³ «Identity» – <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/identity/>.

примеры ситуаций, в которых может происходить полная замена деталей корабля на новые, заставляют читателя на себе испытать действие «невидимой силы» различных образцов оценки происходящего.

Предположим, что Тесей во время плавания периодически заменяет детали своего корабля, используя имеющийся у него запас материала, и успевает заменить все детали полностью. Если кто-то скажет, что Тесей вернулся не на том корабле, на котором он отправился в это путешествие, это будет воспринято как утверждение, что во время плавания он в какой-то момент перешел с одного корабля на другой. То, что Тесей не покидал своего корабля, с точки зрения здравого смысла воспринимается как доказательство того, что он вернулся на том же самом корабле.

Ориентируясь на образцы оценок такого рода, можно сформулировать следующий критерий идентичности: при замене отдельных частей объекта он остается тем же самым, если пространственно-временная траектория его движения непрерывна и при изменении материальных элементов сохраняется его форма.

Вот иная ситуация: велосипед нужно перевезти в другое место, но сделать это можно, только если предварительно его разобрать; причем коробки, в которые кладут его детали, перевозят по отдельности, а затем в новом месте велосипед снова собирают. Предложенный критерий в этом случае не выполняется: форма объекта изменялась во время его перемещения. Тем не менее владелец велосипеда будет считать, что он получил тот же самый велосипед, если его собрали из тех же самых частей. В этом случае критерий идентичности нужно сформулировать иначе: идентичность объекта определяется идентичностью его составных частей. Очевидно, что этот критерий противоречит предложенному ранее.

Интересно, что возможна ситуация, когда при оценке идентичности корабля интуитивно верным представляется второй критерий. Предположим, что корабль хранится в музее, а хитроумная шайка воров решает украсть его по частям, постепенно заменяя украденные детали аналогичными. Антиквар, которому давно хотелось завладеть этим кораблем, конечно же, будет считать подлинным корабль, собранный из украденных деталей, а тот, что в музее – всего лишь его копия.

Хохлачев пишет, что теория Розова не позволяет избавиться от противоречий в рассмотрении подобных ситуаций, поэтому необходима разработка альтернативной теории куматоидов. Одна ошибка Хохлачева, как мы уже показали, состоит в том, что идея куматоида относится к категориальному уровню в характеристике объектов исследования и помогает выявлению и решению методологических вопросов, связанных с теорией социальных эстафет. Пример с кораблем Тесея – только один из многих примеров, используемых в работах Розова для разъяснения этой идеи. Не понимая этого, Хохлачев воспринимает краткие замечания, относящиеся к этому случаю, как формулировки некоторых основных положений «теории куматоидов».

Корабль Тесея упоминается в одной из работ именно в самом начале объяснения того, что такое куматоиды. Кратко изложив эту историю и проблему, к которой она привела, Розов приводит затем целый ряд других примеров, показывающих, что очень многие явления вокруг нас похожи на корабль Тесея, предлагает назвать все явления подобного рода куматоидами, и выделяет их главное отличие:

«Специфическая особенность куматоидов – их относительное безразличие к материалу, их способность как бы «плыть» или «скользить» по материалу подобно волне. Этим куматоиды отличаются от обычных вещей, которые мы привыкли идентифицировать с кусками вещества».

А после этого замечает по поводу корабля:

«...можно сказать, что как куматоид корабль остается одним и тем же, но, как тело, как кусок вещества, он меняется и становится другим кораблем»⁴⁴.

«Тождество» – <https://brickofknowledge.com/articles/identity>.

⁴⁴ Розов М. А. Наука как традиция. С. 87.

Все это дает ему возможность показать, что есть смысл посмотреть с этой точки зрения на различные социальные явления, так как все они проявляют явные признаки куматоидов. Далее он еще раз возвращается к примеру с кораблем, подчеркивая главное в этом примере – при полной замене его частей сохраняется их форма, связи и взаимное расположение. Это позволяет сделать еще один шаг в развитии концепции, поставив задачу выявления механизмов памяти, благодаря которым существуют куматоиды. Детальное описание этих механизмов предлагается в следующих разделах работы, а в постановке задачи можно увидеть только намек на то, какими они могут быть. В случае корабля важно, что его перестраивали постепенно.

«Дело в том, что в условиях, когда мы вынимаем только одну доску, все остальные «помнят» ее размеры, форму и положение. Но вынув сразу много досок, мы можем разрушить «память», и куматоид перестанет существовать. Конечно, можно форму и расположение деталей зафиксировать с помощью чертежей, но это просто означает, что мы одно устройство памяти заменили другим»⁴⁵.

Но Хохлачев видит в этом формулировку принципа, с помощью которого Розов якобы пытается решить «проблему самоидентичности физических объектов», – принципа, в котором утверждается

«что эти объекты обладают свойством сохранять память о таких параметрах, как размеры, форма и взаимное расположение частей. Данные параметры были приняты в его теории в качестве инвариантов, обеспечивающих самоидентичность объектов»⁴⁶.

На самом же деле проблема базисных механизмов социальной памяти решается у Розова в теории социальных эстафет. Эта теория, как мы постарались показать в этом разделе, как раз и позволяет понять, почему и каким образом случаи, подобные истории с кораблем Тесея, с неизбежностью воспринимаются как парадоксы и порождают противоречия при попытке установить единый принцип для установления идентичности таких объектов.

* * *

Сопоставление концепции М. А. Розова и «альтернативной теории куматоидов» Ю. С. Хохлачева показывает, что попытка представить такую альтернативу оказалась неудачной. Эта неудача вызвана прежде всего тем, что Хохлачев не разобрался в целях и задачах этой концепции. Он не понял, как соотносятся два ее ключевых понятия – понятие куматоида и понятие социальной эстафеты, не увидел, что они относятся к двум разным уровням рассуждения. Идея куматоида имеет категориальный характер и выполняет методологическую функцию, а понятие социальной эстафеты – это исходное понятие теории, которая строится с ориентиром в первую очередь на проблемы эпистемологии.

Это непонимание, видимо, помешало ему внимательнее отнестись к представленному Розовым анализу знания, к эстафетным моделям его структуры. Из его статей не видно, чтобы он попытался разобраться хотя бы в модели простейшего вида знания. Он не обратил внимания и на понятие системы с рефлексией, без чего нельзя понять введенного Розовым различия двух исследовательских позиций – рефлексивной и надрефлексивной. Он не понял поэтому, с какой целью Розов разбирает используемые в логике и семиотике модели знака в виде семиотического треугольника, и у него сложилось ложное представление, что Розов доказывает таким образом неадекватность понятия смысла, которое в них используется, но не доводит эту работу до конца, не дает собственной трактовки этого понятия. Дело, однако, не в том, что нужно заменить эти модели какими-то иными. Нужно правильно понять их функции – осознать, что описания смысла как один из результатов работы лингвистов имеют рефлексивный характер и становятся элементами системы, строение которой нужно изучать с надрефлексивной позиции.

⁴⁵ Там же. С. 89.

⁴⁶ Хохлачев Ю. С. Парадокс корабля Тесея.

Все эти ошибки в интерпретации идей Розова проявились и в отношении Хохлачева к истории с кораблем Тесея. Он не понимает, зачем рассматривается этот пример, не понимает его вспомогательной роли при введении понятия куматоида и не способен увидеть, что, анализируя этот парадокс, тоже нужно учитывать рефлексивный характер обобщающих представлений о критериях идентичности объекта.

И еще одно замечание. К сожалению, Хохлачев очень небрежно отнесся к цитированию и используемым им источникам, а в некоторых случаях и к их выбору. Многие ссылки в его статьях не верны. Розову приписано утверждение, принадлежащее В. С. Степину⁴⁷. Ошибочно утверждается, что, по Аристотелю, существует три вида причин: форма, материал и суть вещи, – тогда как на самом деле их четыре (а форма и суть бытия вещи – это два разных названия одного и того же вида). В «Метафизике» они названы так: сущность, или суть бытия вещи; материя, или субстрат; то, откуда начало движения; то, «ради чего», или благо (т. е. цель). Читателю поэтому нужно относиться к этим текстам с большой осторожностью.

⁴⁷ В статье «Куматоиды. Новая эволюционная парадигма» цитируется утверждение из раздела, написанного Степиным: «Предсказание поведения больших систем требует также использования категорий потенциально возможного и действительного. Новым содержанием наполняются категории “качество”, “вещь”» – и так далее (см.: *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. С. 49 – <https://fil.wikireading.ru/44272>).

И далее Хохлачев, критикуя Розова, говорит: «Такое определение понятия “вещь” вызывает много вопросов».